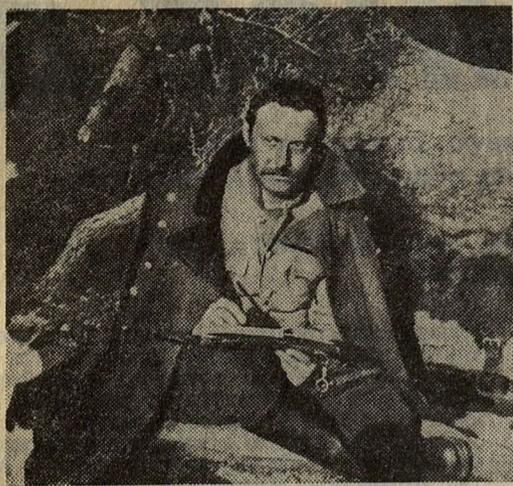

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

БЕРЕГ НАШЕЙ НАДЕЖДЫ

Юрий Соломин о работе в театре и кино

Широкая известность пришла к Юрию Соломину в 1970 году после исполнения им роли разведчика Кольцова в 5-серийном телефильме режиссера Е. Ташкова «Адъютант его превосходительства».

— Юрий Мефодьевич, какую из своих ролей до «Адъютанта» вы бы хотели отметить?

— Актер берется за роль потому, что ему нравится материал, и не думает о том, как он ее сыграет. Но бывает, что берешься за хороший сценарий, а роль выходит неважно. Актер в кино ничего не сделает, если не будет талантливого режиссера и всей съемочной группы, которая также работает и на артиста.

Зритель воспринимает и оценивает образ, созданный артистом. Зрителю важен результат — воплощение, а не путь к нему от замысла. Мы выходим со зрителем один на один.

— Как вы решились пойти во многом наперекор укоренившейся уже традиции изображения таких героев, как Кольцов? Какие черты Кольцова вам особенно хотелось подчеркнуть?

— Нечасто в нашей творческой судьбе бывают случаи, когда сыгранная роль по-хорошему «прилипает» к тебе, когда тебя с ней даже отождествляют. У меня такая личная роль, к счастью, состоялась. «Адъютант его превосходительства» — один из первых наших многосерийных телефильмов, первая моя крупная работа в кино. Роль капитана Кольцова наложила отпечаток на все мое творчество. Она дорога мне и темой, и общением с коллегами по этому фильму. Честно говоря, я не думал о традиции. Я был захвачен материалом, потрясен уникальной личностью реального прототипа Кольцова — П. В. Макарова, и это органично перешло в жизнь образа. Вместе с Евгением Ташковым мы все делали по велению сердца, естественно и свободно, на одном дыхании, и потому, наверное, фильм был снят за очень короткий срок — всего за семь с половиной месяцев.

Что я хотел бы подчеркнуть в Кольцове? Способность сострадать и сопереживать. Эти человеческие качества я больше всего ценю в людях, они и стали основой характера Кольцова.

Сразу же после героического Кольцова Юрий Соломин заявил о себе как актер, способный играть роли прямо противоположного содержания. Он сыграл отрицательных персонажей в фильме «И был вечер, и было утро...» по пьесе Бориса Лавренева «Разлом» и в картине «Кочующий фронт». Раньше, еще до «Адъютанта», в героико-приключенческой ленте «Сильные духом» ярко, острохарактерно, броско актер сыграл гестаповца Геттеля. Соломин считает эту роль одной из своих лучших работ. Имея в виду исключительную разноплановость образов, созданных актером (Хлестаков — Геттель — Кольцов), Евгений Ташков еще в 1972 году назвал его актером больших возможностей.

— Роль Хлестакова — целая вежа в моей театральной судьбе. Эта роль в классическом репертуаре стоит в числе лучших. Предложение сыграть Хлестакова было неожиданностью и для меня, и для всех, и я глубоко благодарен Игорю Владимировичу Ильинскому за режиссерское мужество. Ильинский рискнул взять на нее молодого, неопытного еще актера. А на сцене вместе со мной в спектакле играли сам Ильинский, Бабочкин, Владиславский, Светловидов, Константинов. Это ведь сама живая история и слава нашего театра!

В 1982 году я вернулся к «Ревизору» уже как режиссер (совместно с Е. Весником). Я не стал играть Хлестакова в своей постановке, потому что каждая роль требует своего возраста.

— Роли какого плана — героические или характерные, драматические или комедийные, положительные или негативные — вам ближе? С какими из них вы связываете свой наибольший успех как в кино, так и в театре?

— В последние годы я чувствую, что пришла зрелость и физическая, и творческая. Сегодня я играю в театре царя Федора, Сирано де Бержерака, Федю Протасова. Роли разные, но есть что-то их объединяющее.

— Ум, благородство, доброта?

— Мне трудно определить. Последние мои работы в кино — Славин в «ТАСС уполномочен заявить...» и Миклухо-Маклай в поставленном мной на телевидении трехсерийном фильме «Берег его жизни». Это разные образы, но и между ними есть много общего. Берешься за роль, которая тебе необходима. Одна роль затрагивает в тебе одни стороны души и характера, другая — другие, но обе в равной степени нужны и любимы. Трудно отдать предпочтение какой-либо из своих ролей, назвать первую среди равных.

— Согласны ли вы с мнением критики о том, что кинематограф неблагоприятно эксплуатировал ваш успех в роли Кольцова, что в некоторых фильмах вам пришлось повторяться?

— Нет, не согласен. Слово «эксплуатировать» здесь не совсем подходит. Если актер хорошо играет определенно тип ролей, почему бы ему не сыграть роли, наиболее соответствующие, как он это уже доказал, его артистическим и человеческим данным? Вспомним знаменитых западных актеров — Марс, Бельмондо, Делона. Они снимаются очень много, и, по существу, каждый из них варьирует наиболее близкий его индивидуальности тип героя, и, однако, их не укоряют в повторяемости. Вернее, критики иногда говорят об этом, но зрители с ними явно не согласны. Картины с их участием пользуются неизменным успехом во всем мире.

И нельзя же играть все время по принципу контраста: сегодня Ромео, а завтра Ричарда III или сегодня Швандю в «Любови Яровой», а завтра Гамлета, хотя, разумеется, все мы мечтаем о таком разнообразии. Я не вижу ничего предосудительного в том, что зрители хотят видеть меня в ролях, близких Кольцову. Главное — в новых образах не снижать художественного уровня предыдущих работ, тогда исчезнет опасность самоповтора.

— Чем привлек роман Арсеньева «Дерсу Узала» Акиру Куросаву? Ваши впечатления о работе с выдающимся японским режиссером.

— Чем увлек Куросаву роман Арсеньева?

Огромностью и красотой любви к природе, к нашим «братьям меньшим» — животным, увлекательной и особенно острой сегодня проблемой гармонии человека и природы. Куросава как большой талантливый человек и художник понял, что проблемы, поставленные Арсеньевым, близки всем людям.

Мне нравится, как Куросава работает с актером. Он не давит, не «натаскивает» на заранее придуманный рисунок сцены при том, что очень точно знает, чего хочет. Но в его замысле оставлен «зазор» для актерской импровизации. Если я чувствую, что текст «не ложится», что его надо изменить, Куросава всегда соглашается. Он верит актеру. Это, по-моему, свидетельство высокого профессионализма.

Куросава не считает актеров сырым материалом, из которого нужно что-то лепить. На репетициях он выкладывал нам всю кухню своего режиссерского замысла, рисовал раскадровку, объяснял мизансцены. Целый месяц перед съемками ушел у нас на репетиции.

Манера съемки Куросавы для нас непривычна. Он снимает сцену не отдельными планами, а большими кусками, с двух или трех точек одновременно. Благодаря этому, когда играешь, нет ощущения, что существуешь на обособленном крупном плане, вырванном из всей обстановки. Напротив, ты находишься в окружающей среде — тайги, деревьев. Игра обретает необычную свободу, легкость. Ты не связан с камерой, не зажат рамками кадра. Актера ничто не должно сковывать — таков принцип Куросавы.

Нам imponировали сдержанность Куросавы, его нелюбовь к саморекламе, полная самоотдача в работе, заразительная одержимость в ней.

— Какие свои роли в кино после «Дерсу Узала» вы бы хотели отметить?

— Мне дорога роль Звягинцева в фильме М. Ершова по роману А. Чаковского «Блокада». Я очень люблю этот роман, за каждой строкой в нем правда. И в числе картин, которые демонстрируются сейчас к 40-летию нашей Великой Победы, фильм «Блокада» занимает свое достойное место. И, значит, отродно сознавать, что какую-то лепту в этот общенародный праздник своим скромным актерским и гражданским трудом внес и я. Вспоминаю роль отца в телефильме «Свет в окне». Это картина современной темы. Роль привлекла меня проблемами, которые волнуют и меня — и как человека, и как отца. С искренней благодарностью вспоминаю работу с очень доброжелательным и чутким режиссером этого фильма Аян Шахмалилиевой.

Огромное удовлетворение принесла мне роль Айзенштайна в телефильме «Летучая мышь». Штраус — король оперетты. Я с детства люблю этот вид искусства. Предложение сыграть в фильме по знаменитой оперетте было для меня совершенно неожиданным праздником, и я работал увлеченно, с большим азартом. И эта увлеченность в работе над образом всегда передается зрителю, служит наградой за нее.

Состоялся и мой режиссерский дебют на телевидении: фильм «Скандалное происшествие в Брикмилле» поставлен по пьесе любимого мною Пристли.

Последняя работа Соломина — роль советского разведчика Виталия Славина в многосерийном телесериале В. Фокина по роману Ю. Семенова «ТАСС уполномочен заявить...»

— Ваши впечатления о работе над образом Славина?

— Я уже говорил о своем отношении к современной теме в искусстве. Роль Славина привлекла меня именно своей современностью, возможностью высказаться по актуальным, насущным проблемам, которые волнуют нас всех сегодня. Мне кажется, что «ТАСС уполномочен заявить...» отвечает всем требованиям современного политического фильма. Во время показа фильма по телевидению сначала я смотрел программу «Время», затем фильм и после — «Сегодня в мире». И картина органично входила в актуальную хронику сегодняшнего дня, воспринималась как часть ее. Это ли не свидетельство ее подлинной современности, злободневности, высокой художественной правды? И многие зрители, письма которых я читал, подчеркивали эту же преемственность идейно-политического свойства.

— Как бы вы определили специфику актерского творчества на телевидении в отличие от театра и кино?

— Мы снимали спектакль «Пучина» на телевидении. До этого в театре спектакль шел более ста раз. Но когда я работал в телестудии (при том, что роль уже сделана и продумана), у меня появились нюансы только для телевидения, рассчитанные не на того зрителя, который сидит от меня в нескольких метрах в театре, а на зрителя, который сидит в нескольких сантиметрах. И чуть-чуть видоизменилась манера. Мне работа на телевидении в этом спектакле принесла и удовлетворение, и явилась какой-то школой, потому что нечто найденное там я перенес потом в театр.

— То есть большая, чем в театре и кино, интимность общения со зрителем на телевидении рождает и большую детализацию и нюансировку актерской игры в телефильме?

— Да.

— Изменилось ли что-нибудь с тех пор? Пришлось ли вам сыграть роли того плана, о котором вы тогда мечтали?

— Да, к счастью, эти мечты во многом уже сбылись. В театре, например, я играю Сирано де Бержерака в пьесе Э. Ростана.

— С кем из партнеров вы любите играть?

— О, их так много, что всех не перечислишь. Я люблю наблюдать за игрой партнеров и часто, восхищаясь кем-либо, думаю: «Ах, как хорошо сыграно! Надо будет запомнить и попробовать так же, разумеется, не подражательно, а творчески — с поправкой на себя». Ведь суть нашей профессии — учиться, учиться и учиться.

Беседу вел
И. ЛОГИНОВСКАЯ.

● Народный артист РСФСР Юрий Соломин в фильмах «Дерсу Узала» и «Мелодии белой ночи».